

Киприанъ, Арнобій и др.), и только у нѣкоторыхъ означаетъ все святилище (Антоній Плессанскій, у Миня, 72, 901). Въ древности же эта часть христіанскаго храма носила инныя названія, у грековъ: ἄγιον ἄγιον ἁγίασμα (Евсев. Церков. Ист. кн. X. гл. 4; кн. VII, гл. 15), ἱερατεῖον (Созоменъ. Церков. Ист. кн. VII, гл. 25; литургія Іоанна Златоуста), θυσιαστήριον, βῆμα (возвышенное мѣсто, на которое нужно входить), προσβυτήριον; у латинянъ: sanctuarium, sacrarium. См. *Bingham*, *Origines Lib. VIII. c. VI. p. 210*), suggestum, trisunal и иногда chorus. Одни изъ этихъ названій указываютъ на высокое назначеніе и важность алтаря, а другія (βῆμα, suggestum tribunal) на его возвышенное положеніе сравнительно съ другими частями храма. И дѣйствительно, всѣ сохранившіеся отъ древности храмы въ этомъ отношеніи отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что въ однихъ алтарная часть имѣетъ болѣе возвышенное положеніе, въ другихъ менѣе. Въ храмахъ небольшихъ алтарь поднимается надъ поломъ не очень высоко, иногда на одну только ступень; въ храмахъ же обширныхъ, особенно въ тѣхъ, подъ алтаремъ которыхъ устроены склепы для помѣщенія гробовъ мучениковъ, часть эта возвышалась очень значительно, на пять и болѣе ступеней. И только въ самыхъ тѣсныхъ храмахъ пространство, занимаемое алтаремъ, не возвышалось надъ поломъ, такъ какъ алтарь былъ видѣнъ всѣмъ и безъ этого. Таковы храмы римскихъ катакомбъ, напр., храмъ въ усыпальницѣ св. Агнессы (Красносельцевъ. Располож. и убранство древне-христ. храмовъ. Правосл. Собесѣд. 1879 г. май, стр. 5). Такое положеніе занималъ алтарь въ христіанскихъ храмахъ, начиная съ III в. И такъ какъ оно обусловливалось ствойствами христіанскаго богослуженія, въ которомъ должны были принимать болѣе или менѣе дѣятельное участіе всѣ присутствующіе, и вытекающею отсюда необходимостью доставить имъ возможность и удобство яснѣе видѣть все, что совершается, и слышать, что произносится священно-

служителями, то можно думать, что и храмы двухъ первыхъ столѣтій не отличались въ этомъ отношеніи отъ храмовъ позднѣйшаго времени. Въ пользу этого говорятъ и слѣдующія соображенія. Изъ исторіи извѣстно, что мѣстами богослужебныхъ собраній христіанъ служили или базилики и экусы въ частныхъ домахъ, или же иногда іудейскія синагоги. Въ послѣднемъ случаѣ алтарь всего скорѣе могъ занимать ту возвышенную часть синагоги, которая отводилась для кафедры и ковчега, а въ первомъ христіане или нарочно устраивали возвышенія, или же пользовались возвышеніями существующими, ибо послѣднія составляли неизбѣжную принадлежность великолѣпныхъ и обширныхъ базиликъ и были похожи на тѣ эстрады, которыя можно видѣть въ остаткахъ базилики и триклинія Палатинскаго дворца въ Римѣ (Красносельцевъ. *Ibid.* стр. 6).

Занимая возвышенное положеніе, алтарь тѣмъ самымъ уже отдѣлялся отъ средней части храма; но, помимо этого, онъ отдѣлялся отъ нея особой преградой. Слѣды ея и до селѣ видны въ подземныхъ церквахъ катакомбъ. Произведенныя въ нихъ изслѣдованія показали, что во многихъ криптахъ, заключавшихъ въ себѣ мощи какого-либо мученика, то мѣсто, гдѣ стоялъ саркофагъ, служившій престоломъ, отгораживалось рѣзною рѣшеткою. Такова папская крипта катакомбъ св. Каллиста и нѣкоторыя крипты катакомбъ св. Елены, Прискиллы и Агнессы въ Римѣ: стоящіе здѣсь у олтаря колонки не могли имѣть другого назначенія, какъ служить опорой для преграды. Что касается ея существованія въ христіанскихъ храмахъ, начиная съ IV в., то оно не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ подтверждается многочисленными письменными свидѣтельствами. Такъ, Евсевій Кесарійскій, рассказываетъ о Павлинѣ, епископѣ тирскомъ, — что онъ отдѣлилъ алтарь отъ храма преградой, имѣвшей видъ „сѣтей изъ дерева, украшенныхъ тончайшей и искуснѣйшей работой, приводившей въ изумленіе зрителей“ (Ц. И. кн. 10, гл. 4). Упомянутыя о ней встрѣ-

чаются также у Иоан. Златоуста (Homil. 18 in 2 Cor.), Григорія Богослова (Carm. ad episc. V, 70), Созомена (Ц. И. кн. VII, гл. 25), въ эдиктахъ императоровъ Θεодосія и Валентиніана, у Іоанна Дамаскина и у нѣкоторыхъ другихъ писателей. Изъ замѣчанія того же Евсевія, что Павлинъ, епископъ тирскій, устроилъ преграду, „дабы святилище не для всѣхъ было доступно“, можно судить о ея назначеніи: оно состояло не столько въ томъ, чтобы закрыть алтарь отъ взоровъ молящихся, сколько въ томъ, чтобы заградить въ него доступъ лицамъ, не участвующимъ въ совершеніи богослуженія. Назначеніемъ преграды всецѣло опредѣляется ея устройство. Для достиженія указанной цѣли совершенно было достаточно невысокихъ и прозрачныхъ рѣшетокъ. И дѣйствительно, изъ нихъ и состояли преграды почти всѣхъ древнихъ церквей; на это между и прочимъ, указываютъ ихъ названія *δίκτυα, χαλκῆλοι, κηλίδες* у грековъ и *cancelli* у римлянъ (Григорій Турскій *De glor. martyr. I. I, c. 28*). Въ силу того же назначенія рѣшетки не отличались особою высотой: большею частію онѣ доходили только до локтя человѣку, такъ что на нихъ можно было опираться руками или по грудь, почему и назывались иногда *σώθρα, pectoralia*. Матеріалъ, изъ котораго устроились рѣшетки, былъ довольно разнообразенъ: онѣ дѣлались изъ дерева (см. вышепр. свид. Евсевія), серебра, такова рѣшетка, пожертвованная Константиномъ Великимъ въ базилику св. Лаврентія въ Римѣ, мѣди (Софроній. О божественномъ священнодѣйствіи. Писанія св. оо. и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію прав. богослуж. I т. стр. 269. Германъ. Послѣдоват. изложеніе церковныхъ службъ и обрядовъ. Ibid. стр. 364), иногда изъ камня или мрамора (Филимоновъ. Археол. изслѣд. по памятникамъ. Вопросъ объ устройствѣ иконостасовъ, стр. 27. 1859 г.). Входящія въ составъ преграды рѣшетки отдѣлялись, можно думать, одна отъ другой колонками, или столбиками. Нѣкоторые промежутки между этими послѣдними оставались незаполненными

для образованія входовъ, или дверей въ алтарь. Такихъ дверей было въ большинствѣ случаевъ три. Три двери были, напр., въ алтарной преградѣ базилики св. Феликса, описанной Павлиномъ, епископомъ ноланскимъ. Другою существенною частью алтарной преграды является завѣса. Она скрывала отъ взоровъ мірянъ тѣ литургическія дѣйствія, которые, по чину литургіи, не должны быть видимы непосвященными, — дѣлала то, для чего недостаточно было невысокихъ рѣшетокъ. Первое ясное упоминаніе о ней встрѣчается у Іоанна Златоуста. „Когда, говоритъ онъ, износится жертва, и въ жертву предлагается Христосъ — это божественное овца, когда слышишь: помолимся всѣ вмѣстѣ; когда видишь, что поднимаются обѣ половины завѣсы, то представляй себѣ тогда, что развѣзаются небеса, и свыше нисходятъ ангелы“ (Бесѣда 3 на посл. къ Еф.). Не менѣе опредѣленно свидѣтельство Θεодорита, рассказывающаго, что Вассилій Великій ввелъ императора Валента внутрь божественной завѣсы, гдѣ находилась его епископская кафедра (Церк. Истор. кн. IV, гл. 16). Такимъ же характеромъ отличаются показанія Кирилла alexandрійскаго и литургіи ап. Іакова („молитва завѣсы“. Собр. древн. лит. Вып. II, стр. 171). Что касается способа прикрѣпленія завѣсы, то онъ былъ различенъ. Иногда онѣ прикрѣплялись къ верху той арки, которою заканчивался средній нефъ базилики, конечно, если эта арка составляла границу алтаря. Такъ, напр., было въ базиликѣ св. Павла въ Римѣ (Красносельцевъ. Ibid. стр. 13). Въ тѣхъ же храмахъ, въ которыхъ алтарь занималъ часть средняго нефа, завѣсы прикрѣплялись къ особой перекладинѣ (*trabes, ὑπερθύρα κοσμητική*) и передвигались посредствомъ колецъ. Такія перекладки, украшаемыя иногда серебромъ, утверждались вверху, подъ рѣшетками преграды, на желѣзныхъ шестахъ, вставлявшихся въ угловые столбики этой послѣдней. Въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ, напр. св. Климента въ Римѣ, и доселѣ замѣтны въ угловыхъ столбикахъ углубленія, въ которыя

вставлялись шести (Филимоновъ, стр. 41). Въ томъ случаѣ, когда перекладины были длинны и тяжелы, онѣ утверждались на нѣсколькихъ довольно высокихъ колоннахъ, поставленныхъ вмѣсто низкихъ столбиковъ. Такой именно формы была алтарная преграда въ храмѣ св. Софїи въ Константинополѣ (Павель Силенціарій. Описание церкви св. Софїи. Минь, т. 86. 2 кол. 2145—2146). Образцы такихъ же преградъ можно видѣть въ церквахъ Италіи (церк. св. Марка въ Венеціи), Греціи (храмъ Никодима въ Аѳинахъ, Кавказа (въ церк. на горѣ Армади, въ Атенской долинѣ и т. п. — Филимоновъ, Табл. VIII, XIV, XV, X) и Крыма (подземная церковь Тапекермена). Устроенная подобнымъ образомъ преграда и закрывала, когда было нужно, отъ воровъ молящихся внутренность алтаря съ его принадлежностями (о послѣднихъ, т.-е. престолѣ, жертвенникѣ, каедрѣ епископа и мѣстахъ для пресвитеровъ смотр. подъ соотвѣтствующими рубриками). *А. Петровский.*

— Знаменуя собою горній міръ, превысшее небо, гдѣ обитаетъ Богъ, въ неприступномъ свѣтѣ, также — земной рай, гдѣ жили наши прародители, наконецъ — тѣ мѣста, откуда Господь шествовалъ на проповѣдь, гдѣ страдалъ, претерпѣлъ крестную смѣть, гдѣ было его воскресеніе и вознесеніе на небеса, алтарь есть мѣсто однихъ священнодѣйствующихъ, которые, подобно небеснымъ безплотнымъ силамъ, служатъ предъ престоломъ Царя славы, почему мірянамъ, кромѣ царей, входъ въ алтарь воспрещается какъ въ церк. такъ и свѣтскими законами (VI всел. соб. прав. 69, Лаодик. соб. прав. 44, Номок. при Б. Треб. 66 и уст. пред. и прес. прест. Свод. зак. т. XIV суд. 1890 г. ст. 4). Но въ женскихъ монастыряхъ дозволяется входить въ алтарь монахинямъ („инокиня же входитъ и пометаетъ“, по 50 прав. св. Никифора царьградскаго — см. Номокан. при Б. Требникѣ кievск. изд. 1864 г.; въ 2-мъ изд. 50 прав. св. Никифора приведено по редакціи Арменопула „достойтъ инокинямъ въ монастырехъ своихъ входить во св. алтарь и вжигати свѣщи

и кандила и украшати храмъ“; но въ Кормчихъ великорусской редакціи привилу этому приданъ совершенно противоположный смыслъ, а именно сказано: „не подобаетъ инокинямъ входить въ св. алтарь, ни вжигати свѣщи и кадило, и украшати и пометати“ — (печ. Кормч. гл. 2, листъ 190 обор., 191) Однако указанная практика женскихъ монастырей оправдыв. и тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ древней христ. церкви діакониссы имѣли право присутствовать въ алтарѣ (Тертул. Посланіе къ женѣ ч. I, гл. 7. Діонис. Александр. Каноническ. посланіе къ еп. Василиду) — (о. К. Никольскій, Пособіе къ изученію устава богослуженія правосл. Церкви. Изд. 5-е Спб. 1894 г. стр. 4). Мнѣніе митр. моск. Филарета о допущеніи мірянъ въ алтарь (письма къ архим. Антонію I, 359; собраніе мнѣній и отзывовъ т. III 547—548, IV, 131, письмо къ еписк. Алексію, 215), въ частности — мнѣніе его о томъ, что алтарь послѣ входа въ него женщины долженъ быть окропленъ св. водой — Чт. общ. любит. дух. просв. 1869, VIII, 78. *Н. Марковъ.*

АЛФАВИТЬ — рядъ знаковъ, которые, въ письменности различныхъ народовъ, условно представляютъ собою для глаза звуки ихъ языка. Это названіе перешло къ намъ чрезъ посредство грековъ отъ финикянъ, которые, имѣя ту же письменность, что и евреи, и давали своимъ буквамъ тѣ же самыя названія. Первые двѣ буквы, называющіяся *алефъ* и *бетъ* по-финикійски и по-еврейски, *альфа* и *вита* или бета по-гречески, стали означать своими названіями весь рядъ буквъ, вслѣдствіе чего и произошло слово „алфавить, alphabetum“ (см. Иеронимъ, Epist. CXXV ad Rustic. 12). Алфавить въ собственномъ смыслѣ этого слова былъ изобрѣтенъ финикіянами, которые выработали его изъ египетской письменности. Египтяне имѣли три рода письменности: іероглифическую, которая состояла въ изображеніи чувственныхъ предметовъ въ полномъ ихъ видѣ; письменность іератическую или священную, употреблявшуюся жрецами, и письменность демотическую или простонарод-

ную, которая была упрощеніемъ іератической письменности чрезъ уменьшеніе числа знаковъ и сокращеніе ихъ формъ. Изъ этой египетской письменности финикіяне избрали себѣ двадцать два знака, съ которыми оказалось возможнымъ писать всѣ финикійскія слова. Въ финикійской письменности оставался одинъ значительный недостатокъ, именно, не было знаковъ для выраженія гласныхъ. Греки позднѣе устранили этотъ недостатокъ чрезъ изобрѣтеніе гласныхъ. Но финикіяне именно первые создали въ собственномъ смыслѣ алфавитъ, и всѣ извѣстные намъ алфавиты, находящіеся еще и теперь въ употребленіи на земномъ шарѣ, находятся въ той или другой связи съ изобрѣтеніемъ этихъ финикійскихъ торгашей. Древняя еврейская письменность вполне тождественна съ письменностью финикійской. Греческая письменность также находится въ близкомъ соотношеніи съ нею, отъ грековъ она распространилась на Западъ, и черезъ римлянъ перешла ко всѣмъ западнымъ народамъ, а болѣе непосредственно отъ грековъ — въ Россію.

Трудно съ точностью указать время изобрѣтенія финикіянами алфавита; можно, вообще, думать, что, какъ всѣ человѣческія изобрѣтенія, оно явилось не сразу, а постепенно, и что финикійскія буквы приняли ту форму, подъ которою онѣ извѣстны намъ, лишь послѣ ряда болѣе или менѣе важныхъ преобразованій. Между тѣмъ, не смотря на недостатокъ свѣдѣній въ этомъ отношеніи, сравнительная палеографія открываетъ весьма важный фактъ для библейской критики: это именно то, что финикійская письменность существовала еще раньше Моисея. Египетская іератическая письменность имѣла два основныхъ и весьма различныхъ типа: одинъ раньше XVIII династии фараоновъ, изгнавшей изъ Дельты гиксовъ, народъ азіатскаго происхожденія, сдѣлавшій нашествіе и покорившій долину Нила; другой, явившійся уже послѣ изгнанія этихъ чужеземцевъ. Сравненіе формъ ханаанской письменности съ египетскими знаками показываетъ, что первая была заимствована

изъ іератической письменности древнѣйшаго періода Египта, и что вслѣдствіе этого она раньше XVIII династии. Папирусы этой династии и послѣдующихъ эпохъ уже не имѣютъ того сходства съ финикійскими знаками, какое имѣли папирусы эпохи, предшествовавшей изгнанію гиксовъ. Слѣдовательно, финикіяне, изобрѣли свой алфавитъ еще раньше этого времени. Алфавитная письменность существовала, поэтому, до Моисея, который жилъ въ концѣ XVIII династии; слѣдовательно, онъ уже тогда могъ писать на еврейскомъ языкѣ, который почти ничѣмъ не отличался отъ финикійскаго языка финикійскимъ алфавитомъ.

Когда Авраамъ прибылъ въ Палестину, онъ, навѣрно, знакомъ былъ съ клинообразною письменностью, употреблявшеюся въ Халдѣ, его родинѣ. Эта письменность была распространена по всей передней Азіи, и особенно по Ханаану, какъ это доказывается клинообразной корреспонденціей, адресованной къ египетскому фараону Аменофису, и найденной въ 1887 г. въ Телль эль-Амарнѣ. Трудно сказать, усвоилъ ли Авраамъ въ обѣтованной землѣ финикійскую письменность, какъ гораздо болѣе простую и легкую, и даже болѣе удобную для передачи звуковъ его языка. Но если мы не знаемъ того, что дѣлалъ этотъ патріархъ, то во всякомъ случаѣ вполне можно думать, что Моисей пользовался алфавитомъ финикійскимъ. Въ Дельтѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, было много финикійскихъ торговыхъ конторъ. Финикіяне, уже рано завязавъ сношенія съ Египтомъ, пользовались его письменностью для своихъ счетныхъ книгъ. Такъ какъ они говорили на томъ же языкѣ какъ и евреи, жившіе въ землѣ Гесемъ, то Сыны Іакова, часто встрѣчаясь съ ними, естественно могли усвоить эту письменность для своего языка, какъ нисколько не отличавшагося отъ языка финикіяны. Можно поэтому думать, что евреи пользовались этою письменностью еще даже до рожденія Моисея. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для опредѣленія, въ какой именно моментъ евреи начали пользо-

АЛФАВИТЫ

Значеніе	ЕГИПЕТСКІЙ			СЕМИТСКІЙ	Равнозначущія буквы			
	Иероглифы	Иератич. письм.	Финикійск.	Еврейск.	Греч.	Лат.	Слав.	
'	орелъ		𐀀	𐤀	א	A	A	А
б	цапля		𐀁 𐀂	𐤁	ב	B	B	Б
г	сидянье		𐀃 𐀄	𐤂 𐤃	ג	Г	С	Г
т, д	рука		𐀅 𐀆	𐤄 𐤅	ד	Δ	D	Д
е	планъ дома		𐀇 𐀈	𐤆	ה	E	E	Е
ф, в	рогатая змѣя		𐀉	𐤇 𐤈	ו	Υ	F	В
з	неопер. птичка		𐀊	𐤉 𐤊	ז	И	Z	З
х	рыбѣсто		𐀋 𐀌	𐤌 𐤍	ח	Н	Н	Х
т, ѳ	веревка съ узломъ		𐀍	𐤎 𐤏	ט	Θ	ѳ
и	параллель?		𐀎 𐀏	𐤏 𐤐	י	Ι	Ι	И
к	корз. или чаш- ка съ ручкой		𐀐 𐀑	𐤑	כ	K	K.	К
л	львица		𐀒 𐀓	𐤒 𐤓	ל	L	L	Л
м	сова		𐀔	𐤔	מ	M	M	М
н	вода		𐀕 𐀖	𐤕	נ	N	N	Н
кс	завдвижка		𐀗 𐀘	𐤖 𐤗	ס	X	X	Ѣ
е	𐤘	ע	O	O	О
п	цыновка		𐀙 𐀚	𐤙 𐤚	פ	P	P	П
ц	змѣй		𐀛	𐤛	צ	Ц
к, ф	уголъ?		𐀜	𐤜 𐤝	ק	Φ	Q	Ф
р	ротъ		𐀝	𐤝	ר	R	R	Р
с	садъ		𐀞	𐤞	ש	Σ	S	С
т	кошелекъ? ру- ка, под. змѣя		𐀟 𐀠 𐀡 𐀢	𐤟 𐤠	ת	T	T	Т

Сравнительная таблица египетскихъ писемъ, знаковъ въ сопоставленіи съ знаками финикійскаго алфавита и происшедшихъ отъ него алфавитовъ—еврейскаго, греч., лат. и славянскаго.